

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И СМЕШАННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

© 2018 г. Г. Е. Крейдлин

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 111399, Москва, ул. Чайнова, 15
gekr@iitp.ru

Дата поступления материала в редакцию 28 марта 2018 г.

NONVERBAL AND COMBINED COMMUNICATIVE TABOOS IN DIFFERENT CULTURES

© 2018 Grigory E. Kreydlin

Doctor of Philological Sciences, Professor of The Russian Department of The Institute of Linguistics
at The Russian State University for the Humanities, 15 Chayanova Str., Moscow, 111399, Russia
gekr@iitp.ru

Received by Editor on March 28, 2018.

Предметом настоящей статьи являются невербальные и смешанные, то есть вербально-невербальные, коммуникативные табу в разных культурах. Особое внимание уделяется жестовым табу, к которым относятся запреты людям данной культуры или данного социума совершать определённые телесные действия в конкретных коммуникативных ситуациях или областях и рекомендации людям других культур и другого социума избегать этих действий в тех же ситуациях и областях. В статье раскрывается связь жестовых табу с типом культуры, в которой эти табу существуют, с ролью, которую играет в данной культуре тело или отдельные телесные объекты, с признаками телесного объекта, участвующего в производстве жеста, и некоторыми другими характеристиками коммуникативного акта. Системная фиксация жестовых табу, определение условий их функционирования, описание ситуаций и способов разрешённого уклонения от табу могут существенно дополнить объяснительные жестовые и языковые словари.

The paper addresses nonverbal and combined, or verbal-nonverbal, communicative taboos in different cultures. It focuses primarily on the examination of gesture taboos, which present prohibitions to people belonging to the given culture or social group to perform some body actions in particular communicative situations or domains and recommendations for people of another culture or social group to avoid performing these actions in the same situations and domains. The paper establishes some significant relations between gesture taboos and some parameters of communication such as type of culture, in which the taboo exists, the role that human body and some corporal objects play in the culture, features of the corporal object participating in the gesture production, etc. The systemic analysis and lexicographic representation of gesture taboos, the determination and fixation of contexts of their functioning in oral speech, and the description of situations and instruments, which might be used to violate taboos, provide the essential improvement of verbal and gestural explanatory dictionaries.

Ключевые слова: табу, вербальный, невербальный, смешанный, жест, тело, телесный объект, культура, коммуникация, словарь.

Key words: taboo, verbal, nonverbal, combined, gesture, body, corporal object, culture, communication, dictionary.

DOI: 10.31857/S241377150001109-2

Введение. Постановка задачи

Я не буду приводить здесь существующие в литературе разные, но в равной степени нечёткие определения понятия и слова *табу*. Скажу лишь, что далее буду понимать под *табу* не только социально или культурно обусловленный запрет произносить те или иные слова и выражения, но и запрет совершать некоторые регламентированные культурой и обществом действия¹. Тем самым я различаю **вербальные, невербальные и смешанные**, или **вербально-невербальные, коммуникативные табу**. К последнему виду относятся запреты произносить какие-то слова и одновременно выполнять те или иные знаковые действия в актах коммуникации².

Разные табу, не только коммуникативные, обычно вызваны несоответствием между биологическим (телесным, ментальным или психологическим) состоянием человека и его биологическими характеристиками, с одной стороны, и культурным или социальным статусами человека, с другой стороны. Возникают табу вследствие противоречия между относительной свободой телесного, речевого, акционального и иного поведения человека и регламентациями, накладываемыми на его поведение социальным коллективом или культурой.

Незнание или пренебрежение существующими в культуре и обществе табу является одной из частых причин коммуникативных неудач, приводящих к неправильной квалификации или неверной оценке намерений, мыслей, чувств и действий человека. Несоблюдение языковых и культурных конвенций, свойственных данному этносу или культуре, либо – в пределах данной культуры – определённой сфере общения, обычно подлежит наказанию в виде определённых **санкций**. Санкции отличаются разной строгостью в зависимости от важности табу и от сте-

пени свободы, присущей данным этносу, культуре или сфере общения. Например, коммуникация между русскими людьми в сети Интернет гораздо более свободная, чем в профессиональной сфере, не говоря уже о сфере религиозной, а санкции в среде телеутов, которые придерживаются религиозных воззрений шаманизма, более жёсткие, чем у православных телеутов, см. об этом в [2].

Характер санкций и степень их жёсткости зависят также от поведенческих установок и стереотипов, которым осознанно следуют общающиеся между собой двое – члены данного языкового и семиотического коллектива. Так, у многих народов Африки, приветствуя человека, принято сразу же после приветственной улыбки или протянутой для рукопожатия руки (это обязательные невербальные компоненты актов приветствий) задать человеку вопросы о его жизни, делах, здоровье или спросить *Откуда ты?, Куда идёшь?* и т.п. (обязательные вербальные компоненты приветствий). Опускание какого-то из элементов такого этикета не только приводит к личной обиде, но и осуждается обществом, человека наказывают тем, что его не приглашают участвовать в каких-то совместных мероприятиях, празднествах.

Самые жёсткие санкции, налагаемые обществом на человека, – это отлучение его от общества, вывод из состава данной социальной группы и т.п. В каждом обществе и в каждой отдельной социальной группе существуют правильные, то есть нормативные, хорошие, красивые, способы вести себя во время устной или письменной передачи смыслов (например, разработаны нормативные приёмы композиции научного доклада, приёмы упорядочения текстов личных и деловых писем). Однако часто люди в коммуникативном акте прибегают к неправильным вербальным, невербальным или смешанным способам поведения, нарушая этические, культурные или социальные нормы, и это происходит несмотря на то, что вслед за нарушениями обычно следуют санкции. Различие между этикетно не допустимыми и табуированными знаками, причём не только невербальными или смешанными, но также вербальными, я вижу лишь в большей жёсткости индивидуальных или общественных санкций, налагаемых за употребление табуированных знаков.

Основным предметом настоящей статьи является разновидность невербальных и смешанных запретов, которые я буду называть **жестовыми табу**, причём слово *жестовые* я позволю себе иногда опускать. К жестовым табу относятся **запреты** <людям данной культуры или данного социума> **совершать**

¹ Некоторые учёные, как отмечает в своей кандидатской диссертации Я.В. Попова, разграничивают понятия табу и запрета, объясняя разницу “внутренней мотивацией, привязанностью к моральным и этическим соображениям одного и внешней мотивацией другого соответственно” [1]. Табу, таким образом, понимается этими учёными не как культурный или общественный запрет, внешний по отношению к участникам коммуникации, а как внутренняя потребность людей избежать каких-то слов или действий по тем или иным причинам.

² Настоящая работа выполнена в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ “Русская соматическая лексика: когнитивный и семиотический аспекты” (проект 16-04-00051) и РФФИ “Язык и культура телеутов” (грант 17-04-00253).

некоторые телесные действия в конкретных коммуникативных ситуациях или областях, а также **рекомендации** <людям других культур и другого социума> **избегать** этих действий в тех же ситуациях и областях.

Поскольку табу в разных культурах и социумах, вообще говоря, разные, представляет интерес вопрос, как решаются связанные с табу коммуникативные проблемы, которые нередко возникают при устном общении представителей разных культур. Главный акцент делается далее на особенностях функционирования **жестовых табу в межкультурной коммуникации**, то есть на сюжете, которому, как кажется, в лингвистике и невербальной семиотике уделялось недостаточно внимания.

§1. Виды культур, жестовые словари и особенности репрезентации в них жестовых табу

Как известно, в теории культуры выделяются два полярных отношения к человеческому телу и телесности. Это **апофатическое** отношение, суть которого состоит в стремлении человека скрыть тело от посторонних глаз, сделав его незаметным, непримечательным и вместе с тем, так сказать, идеальным, и отношение, которое можно назвать **привлечением внимания к телу**.

Очевидно, что табу в культурах, где господствует апофатическое отношение, отличаются от табу в культурах открытого тела. В частности, в апофатических культурах в диалогах людей регулярно осуществляются контроль человека над своим внешним видом и управление своим телом, а также контроль над невербальным поведением – своим и партнера. Не удивительно, что именно апофатические культуры выработали жёсткие указания и табу, касающиеся тела и телесного поведения. В Европе, начиная, по-видимому, с XVI века, когда человек начинает осознавать себя в качестве члена некоего социума, тело уже рассматривается как материал для идеологических наставлений и ограничений – что делать можно, а что нельзя. Ср.: “Человек вне социальных уровней и групп – более природный, у него больше свободы телесного выражения” (Т.В. Цивьян, устное сообщение).

Как отмечают этнографы и историки культуры, в XVI–XVIII веках представители апофатических культур в своём телесном поведении особое внимание уделяют рукам и лицу, в особенности таким частям лица, как глаза и губы. Глазное и губное по-

ведение людей, жесты глаз, взгляды и модели мимического поведения стали делить на две группы – приличные, пристойные и неприличные, непристойные. Например, на губы общество уже смотрит не только как на орган приёма пищи, но также квалифицирует и оценивает их форму, размер, пропорциональность, цвет и, вообще, красоту. Губы рассматриваются как телесный, или соматический, объект, с помощью которого осуществляются **жесты-grimасы**, так сказать, “милые кривляния” и “кокетливые поджатия”, и **жесты-поцелуи** двух видов – дружеские нежные лобзания и любовные поцелуи. Примерно в середине XVI века в Европе появляются первые наставления относительно этикетного, т.е., правильного, использования телесных объектов – рук, лица, глаз, рта и др.

Позже приходит отчётливое понимание того, что разные телесные объекты у мужчин и у женщин по-разному участвуют в выражении разных значений, прежде всего ментальных и эмоциональных [3]. Эмоциональные состояния и переживания, вызванные или обусловленные какими-то событиями, невербально передаются выражениями лица, позами, телодвижениями, а также жестами рук и ног, причём у мужчин и у женщин в каждой из изученных культур, вообще говоря, по-разному. Вербально же чувства и эмоции передаются отдельными словами и словосочетаниями, в том числе метафорическими выражениями и жестовыми фразеологизмами, к которым относятся языковые единицы, построенные на базе жестов и сохраняющие с жестами семантическую или этимологическую связи (о жестовых фразеологизмах см. подробно в [3]). К ним относятся, в частности, такие жесты и фразеологизмы, как *бухнуться в ноги*, *ноги приросли к земле* (в одном из значений – это выражение страха, ужаса, эмоционального шока), *стукнуть ногой* и *стукнуть кулаком*. Сочетание *не чуют под собой ног* значит не то же, что сочетание *не чувствовать под собой ног*: первое обычно употребляется для передачи позитивных эмоций восторга, радости, счастья, а второе для передачи эмоций вообще не используется. Оно говорит об усталости человека, например, после долгой ходьбы или стояния во время прочтения лекций. *Стучат ногой*, например, в гневе или ярости, *топают ногами* в гневе, ярости или негодовании, а единицы *переступить*, *переминаться с ноги на ногу*, *топтаться на месте* коррелируют с таким смысловым компонентом, как ‘колебание’, входящим в семантическое представление слов, передающих чувства смущения и замешательства. Эти единицы свидетельствуют о нерешительности человека, о его сомнениях перед

выбором, как поступить. Я привёл здесь примеры жестов вместе с их языковыми именами, а также примеры слов и словосочетаний, которые выражают эмоции, причём некоторые из приведённых вербальных и невербальных знаков использовать в дружеской и благожелательной коммуникации не рекомендуется. Сказанное относится и ко всем изученным на сегодняшний день культурам, в которых зафиксированы данные знаки или их аналоги, и к практике межкультурной коммуникации.

Жесты глаз, такие как **прищур глаз**, **суживать** или **расширять глаза**, если это не физиологические реакции, например на боль, тоже передают эмоциональное состояние человека, ср. *Он сделал круглые, большие глаза, вытаращил, выкатил глаза, Глаза её округлились, вышли из орбит* – всё это выражения сильного удивления. Ср. также сочетания *весело подмигивать* и *радостно подмигивать*.

В ситуации флирта *подмигивают* обычно мужчины, и такое **подмигивание** разрешено в культурах свободного телесного поведения и табуировано в апофатических культурах. Однако в значении ‘соучастие в каком-то тайном предприятии’ та же жестовая форма глаз не имеет специфической гендерной окраски и не считается табуированной даже в большинстве апофатических культур.

Вообще, невербальное и смешанное знаковые действия могут быть табуированными или нет в зависимости от выражаемых ими значений. Как кажется, такой, казалось бы, совершенно очевидный, вывод в изученных мной работах по невербальной семиотике и табу в разных культурах в явном виде не присутствует. Больше того, в известных мне жестовых словарях и лексикографических справочниках, включая и наш Словарь языка русских жестов [4], условия или фильтры, при которых данное жестовое или смешанное поведение является табуированными (или, наоборот, не табуированными), систематически не указываются (впрочем, в [4] подобные указания спорадически, то есть в отдельных словарных статьях, приводятся).

* * *

Помимо двух видов культур, выделяемых на основании отношения к телу и различным явлениям телесности, для характеристики табуированных элементов не менее важными являются некоторые другие оппозиции и базирующиеся на них модели культуры и инструменты коммуникативного поведения.

Так, в давнем и широко цитируемом исследовании Г. Хофстеда [5] были описаны четыре признака (dimensions), определяющие характер коммуникации между людьми данной культуры. Впоследствии число таких признаков было доведено Г. Хофстедом и другими исследователями до шести, см. [6], [7], [8, с. 493–504], [9], и было показано, что разные комбинации значений этих признаков задают разные модели культуры. Для меня существенно то, что все выделенные признаки, отличающие культуры, прямо или косвенно связаны с телесным поведением человека.

К таким дифференциальным признакам относятся (1) характер принятой в культуре и обществе коммуникативной дистанции между двумя людьми³; (2) индивидуализм vs. коллективизм (трайбализм), свойственные представителям данной культуры; (3) тип гендера со значениями “маскулинная / фемининная / нейтральная” культура. Представители маскулинной культуры характеризуются как люди амбициозные, решительные, предприимчивые, любящие соревнования и состязания, склонные к спорам и конфликтам. Представители фемининной культуры предпочитают дружеское общение и, шире, атмосферу приятельства и дружбы; они высоко ценят спокойствие и безопасность – свою и близких людей. Различаются, соответственно, и жестовые манифестации у людей, относящихся к этим культурам.

Ещё два признака – это (4) яркая выраженность vs. скромность вербального и невербального коммуникативного поведения и (5) *длительность ориентации (long-term orientation)* с двумя основными значениями – “относительно продолжительная ориентация” и “относительно непродолжительная ориентация” (этот признак характеризует, в частности, глазное поведение людей в коммуникативном акте). А признак (6) определён как характер и степень выраженности испытываемого чувства со значениями “потворство (indulgence) своим желаниям и намерениям, выражаемым в коммуникативном акте”, и “сдерживание (restraint) <таких желаний и намерений>”.

Основываясь на выделенных дифференциальных признаках, можно арабскую культуру, например, охарактеризовать как предпочитающую относительно

³ Справедливости ради замечу, что Г. Хофстед предложил другой, более узкий культурный признак, который назвал *power distance*. Это дистанция, которую занимают люди, обладающие в данном социуме меньшей властью, вступая в коммуникацию с людьми, обладающими большей властью. Однако в практике анализа разных культур коммуникативная дистанция понимается более широко.

но дальнюю дистанцию между коммуникативными партнёрами и в сильной степени приверженную к коллективизму. Это культура маскулинная, с яркими проявлениями телесных и словесных знаков и ритуальных моделей поведения. Представители арабской культуры склонны к непродолжительным по времени коммуникативным актам и в высшей степени несдержанны в проявлении своих желаний.

Киргизская культура, по моим собственным наблюдениям и опросам информантов, во многих характеристиках совпадает с арабской культурой, но киргизы любят длительное общение, особенно с родными, друзьями и соседями, и весьма скромны в телесном поведении. Так, киргизские мужчины, люди “главные” в любом социальном коллективе от семьи до больших групп, крайне редко целуют друг друга при встречах и прощаниях (между тем как в Грузии, например, это происходит часто и даже на улицах и в других общественных местах). Мужчины в Киргизии, здороваясь друг с другом, преимущественно довольствуются рукопожатиями или объятиями. Обнимаясь, они наклоняют при этом головы два раза в одну и в другую стороны по очереди.

К дифференциальным признакам, рассмотренным Г. Хофстедом и его соавторами и последователями, я бы предложил добавить еще несколько признаков вместе с их типовыми невербальными манифестациями. Например, значимыми для коммуникативного поведения являются такие характеристики, как (а) отношение людей к родственникам и близким, (б) следование религиозным законам и догмам. Это также (в) вера в судьбу и предопределённость исходов жизненных событий, (г) вежливость и (д) любимые темы в общении.

Многие исследователи традиционной культуры арабов и просто люди, посетившие арабские страны во время отпусков или приехавшие туда по каким-то делам, отмечают а) тёплое отношение арабов к родственникам и друзьям, (б) следование религиозным законам, (в) фатализм и (г) подчёркнутую, даже избыточную, вежливость по отношению к собеседникам. Указывают также на (д) особое уважение арабов к знанию и знающим людям и внимание к “простым вещам”. У киргизов и казахов тоже проявляется особо уважительное отношение к старшим. Представители этих народов вежливы и внимательны к собеседникам, но склонности к фатализму я у них не заметил, хотя имел возможность наблюдать за поведением людей в общей сложности в течение нескольких месяцев.

Введение в научный обиход признаков, отличающих одну культуру от другой, позволяет построить

содержательную классификацию культурных и языковых предпочтений, упорядочить табуированные вербальные и невербальные элементы культуры и в значительной степени предотвратить ситуации непонимания и возникновения на этой почве межкультурных и межъязыковых коммуникативных конфликтов.

§2. Вербальные табу и области их бытования

В многочисленных публикациях по вербальным табу общетеоретического плана и в работах, содержащих описание конкретных лексических и грамматических запретов, которые характерны для той или иной культуры, почти всегда предпринимается попытка построить классификации запретов. Однако мне так и не встретились книги и статьи, в которых содержались бы реальные и формально безупречные классификации; в работах по этой теме представлены только различные каталогизации вербальных табу. Первыми шагами на пути к каталогизации обычно служат либо выделение областей (иначе – ситуаций) функционирования табуированных единиц и конструкций, либо перечисление языковых единиц и их типов – тех, которые могут употребляться в роли эвфемистических заместителей табуированных выражений.

Из основных сфер функционирования речевых табу выделяются религия, морально-нравственная сфера и политика (вспомним хотя бы такой важный в сегодняшнем мире культурный феномен, как политкорректность). Табуированию подвергаются общественное и межличностное поведение людей (например, в сильной степени табуированы сексуальная сфера, область, относящаяся к человеческим выделениям (скатология), разговоры о болезнях и смерти), ритуальная и церемониальная области. Внутри каждой из сфер вычленяются особенно табуированные темы и предметы. Например, в области секса жёстко табуированы, по-видимому, во всех культурах, вербальные манифестации темы педофилии, сексуальных извращений и сексуального насилия.

В каждой из областей функционирования табу и в каждой из выделенных тематических подобластей уместно выделить такие подобласти, как **контекстно (ситуативно) независимую** и **контекстно (ситуативно) обусловленную**, – и это деление вполне приложимо также к невербальным знаковым табу. Так, речевое или жестовое поведение мужчины в сугубо мужском коллективе, культурно и социально однородном, не столь табуировано, как аналогичное поведение мужчины в кругу лиц противоположного

пола. Поведение в такой контекстно обусловленной области, как публичная сфера, лиц обоих полов подчиняется более строгим правилам и нормам, чем их поведение в домашней обстановке. Свидетельством этому являются, прежде всего, более строгие санкции, которые общество налагает на человека за нарушение соответствующих публичных установлений.

В современных западных обществах наиболее жёсткие вербальные табу связаны с религией, человеческими выделениями и сексуальной жизнью людей. А в африканских культурах одной из областей, где существуют максимально строгие запреты на словесное выражение, является область культурно и социально обусловленных человеческих отношений. Я имею в виду, прежде всего, отношения типа “снизу вверх”, которые связаны с властью, почитанием, смирением, уважением или с особой вежливостью. Нормы их выражения в разных культурах, как отмечают не только лингвисты, этнографы и другие учёные, но и сторонние наблюдатели, крайне сложные и трудно запоминаемые. Вместе с тем в случае нарушения таких норм носителями, например, африканских культур следуют достаточно строгие санкции.

Трудности, связанные с соблюдением правил и норм поведения, ещё более усугубляются в случае межкультурной коммуникации, например, коммуникации представителей европейской и африканской культур. На все такие правила и нормы важно обращать внимание как при планировании соответствующих зарубежных поездок, так и при преподавании людям европейских культур того или иного африканского языка в качестве иностранного, и наоборот. К сожалению, табу не является любимой темой научных и научно-популярных исследований по межкультурной коммуникации (см. об этом также ниже). Между тем у людей, которые хотят соблюсти существующие и в их собственных, и в чужих культурах и этносах речевые правила и при этом идиоматично выразить нужный смысл, способствуя дружескому, доброжелательному межкультурному общению, имеется в арсенале целый ряд способов не нарушать запретов, связанных с употреблением языковых единиц. Очень важно, что наряду с такими известными и хорошо изученными способами, как использование синонимических перифразировок с эвфемистическими словами и выражениями и применение адекватных метонимических и метафорических замен, следует иметь в виду и такой способ, как (пока ещё плохо изученный) переход от вербального кода к жестовому, и описать условия такого перехода.

§3. Невербальные табу в культуре и их роль в межкультурной коммуникации

Невербальные табу в тех культурах, в которых они изучались, представлены столь же широко, сколь и вербальные. Слова и выражения, которые по тем или иным причинам нельзя или не принято произносить, в принципе все подлежат исчислению и лексикографическому описанию, и такие описания можно найти в больших толковых словарях, в словарях этикета, ритуалов или в специальных словарях – в словарях “грязных” слов, сленга, магии, мифологии, религии и других.

А вот ситуация с невербальными табу совсем иная, и во многом это связано с тем, что культурные и социальные запреты могут налагаться не только на телесные знаки (жесты, позы и др.), но и на незнакомые движения, выражения лица, взгляды, а также на паразык (ср., например, требование в каких-то ситуациях хранить молчание) или какие-то его элементы. Эти единицы далеко не все являются конвенциональными, и потому не все получают словарное отражение. Конечно, незнакомые движения, позы, взгляды или, например, разные виды молчания могут становиться знаками, то есть *означиваться*, или *семиотизироваться*. Но семиотизация телесного поведения происходит лишь в определённых коммуникативных актах и в определённых ситуативных условиях, которые сегодня ещё не исчислены. Поэтому жестовые табу, как и словесные, обычно тоже группируют по сферам употребления.

Между тем для жестовых запретов не менее важную роль играет другая группировка, которой должного внимания прежде не уделялось. Я имею в виду распределение, относящееся к самим телесным объектам, табуированным в данной культуре в ситуации, предполагающей исполнение определённого жеста или некоторого незнакового движения. Речь идёт о тех табуированных телесных объектах, которые в другой культуре выступают как вполне полноправные компоненты физической реализации жеста или движения такой же формы. В ходе невербальной коммуникации нередко возникает коммуникативный провал, взаимное непонимание и неприятие вплоть до отторжения и конфликта по той причине, что для невербального выражения определённого смысла или совершения определённого движения используется соматический объект, которым с точки зрения другой культуры пользоваться нельзя.

Назову для краткости такой соматический объект *дефектным*⁴ и приведу примеры случаев коммуникативных неудач при встречах представителей двух культур, причиной которых было применение дефектных объектов.

Первый пример касается запрета на использование левой руки при общении с человеком мусульманской и некоторых других культур. В частности, нельзя, не обидев человека, махать ему левой рукой в знак приветствия, брать от него подарок левой рукой или передавать что-либо левой рукой. Даже если нарушается принцип физиологического удобства, левую руку использовать нельзя. Левая рука считается у мусульман нечистой, а предписания, касающиеся нечистого, издавна соотносятся с вредом, опасностью и страхом. В культуре мусульман считается, что очищение и чистота, физическая и нравственная гигиена, правильное отношение к санитарии как к элементам, организующим общество и культуру, приносят в мир упорядоченность, а потому на всё то, что признаётся нечистым, налагается запрет. Для всего грязного, туалетного, в частности омовения, требующего применения рук, нужно использовать именно левую руку.

Народ йоруба, а среди них есть, между прочим, не только мусульмане, но и христиане, пользуется исключительно левой рукой, когда требуется взять что-то грязное, а правой рукой они пользуются, например, во время приёма пищи. По-видимому, люди осознают опасность заражения пищи, которая могла бы возникнуть, если бы в их культуре не соблюдалось разделение рук по сферам использования.

В китайской культуре, согласно статье [9], не приняты указания руками и пальцами, ср. “Chinese people choose to use hand to remind ... rather than point directly” “Китайцы используют руку скорее для напоминания, чем для прямого указания”.

А вот ещё один пример. Несколько лет назад я получил стипендию для работы в отделе семиотики Технического университета Берлина. Рано утром, приходя в университет, я обычно встречал в коридоре итальянского профессора, много лет живущего в Берлине, Массимо Серенари, который спускался вниз на первый этаж с компьютером и телевизором. На ули-

⁴ Отмечу, что, поскольку в реализации жестов могут участвовать и другие объекты не телесного происхождения, например, удлинители (см. о них в [3], [4]), существуют также культурные запреты на использование таких дефектных объектов. Так, в культуре телеутов неприлично показывать на человека не только пальцем, но и, например, карандашом [2]. Другой пример см. далее в тексте.

це он садился в “фольксваген” и уезжал в городские районы, где компактно проживали иммигранты-турки. Основная цель таких поездок была познакомить турецкое население Берлина с бытовыми немецкими жестами и записать на видео бытовые турецкие жесты с тем, чтобы познакомить с ними немцев.

На это исследование невербального поведения, важное не только с научной, но и с социальной точек зрения, правительство Германии выделило деньги в виде гранта. Дело в том, что в Берлине, как рассказывал мне М. Серенари, к тому времени уже имели место социальные волнения, которые случились, по его утверждению, главным образом из-за невербальных коммуникативных недоразумений и сбоев, связанных с взаимным неприятием отдельных видов поведения и некоторых жестов. В частности, немцы, работающие на заводах вместе с турками, часто принимали от них разные сувениры и подарки левой рукой, опять-таки той же рукой хлопали турок по плечу в знак благодарности или приветствия, а иногда даже ели что-то в их присутствии левой рукой.

В Западной Африке тоже распространён запрет на использование левой руки при взаимодействии с другими людьми. Так, не следует приветственно махать левой рукой или указывать ею дорогу [11, с. 73–95]. Не принято пожимать руку другому человеку двумя руками, потому что одна из них – левая, нехорошо передавать что-то другому левой рукой, нельзя есть или протягивать какую-нибудь еду левой рукой.

В статье [12, с. 167–187], посвящённой культурным сценариям социальных коммуникативных практик, характерным для ареала Западной Африки, приведены пословицы, поговорки и другие образные выражения, существующие в языках эве, касем, фула (фульфульде), подчёркивающие соответствующее отношение людей к левой руке. Использование левой руки в этих культурах в целом ряде ситуаций считается оскорбительным.

Табуированным может быть также использование в коммуникативных жестах и такого телесного объекта, как слюна. Эта телесная жидкость у многих народов, таких, как социальная группа (каста) брахман, или брамин, в Индии считается нечистой. Это относится даже к собственной слюне, и потому брахманы избегают поцелуев. Мери Дуглас в своей книге [13, с. 62–63] пишет: “У брамин даже воду принято пить, вливая ее в рот, а не прикасаясь губами к краю чашки, а при курении сигареты... руки держат так, чтобы они ни в коем случае не касались непосредственно губ”.

Существуют не только коммуникативные табу на использование определённых телесных объектов в жестах и других единицах телесного знакового поведения, но также **табу** не на сами объекты, а **на их определённые положения в конкретных жестах**.

Так, по европейскому этикету недопустимо сидеть, скрестив ноги, и разговаривать с человеком той культуры, в которой принятие такой позы, даже в непринуждённой беседе резко осуждается. Считается также неприличным в культурах обоих видов в ситуации официальной беседы держать руки в карманах или складывать их на груди. Нехорошо показывать на человека указательным пальцем на близком от него расстоянии, так как этим жестом человек проникает без разрешения в личное пространство адресата, так сказать, “протыкает” его, нарушая целостность. В каждой культуре существует также много не просто этикетно не допустимых, но и строго табуированных поз с участием рук и ног, точнее, табуированными оказываются положения рук или ног в них.

Табуированными в культуре бывают не только отдельные соматические объекты или какие-то их характеристики, связанные с физической реализацией и манерой исполнения жеста, но также целые **семантические классы жестов**.

Не все семантические классы жестов, которые были выделены для русской культуры в [3], существуют в других культурах. Культуры демонстрируют в этом отношении замечательное разнообразие: каждая диктует и то, какие смыслы в ней могут, а какие – должны быть выражены невербально, и то, для каких смыслов жестового выражения в данной культуре нет. Как в некоторых языках мира нет отдельных слов для обозначения понятий “голова” или “рука” (см. об этом, например, в статье А. Вежбицкой [14, с. 14–65]), точно так же в целом ряде культур нет жестов для передачи таких понятий, как “стыд” или “не в себе”.

Даже такой, казалось бы, важный класс жестов, как обценные жесты, существует не во всех культурах, по-видимому, в силу того, что воспринимаемые визуально оскорбления ранят чувствительнее, чем словесные. Как отмечено в статье [15], в Голландии, Норвегии и Швейцарии нет собственных, то есть не заимствованных, обценных жестов. Живущие там люди, конечно, распознают и понимают невербальные оскорбления, которые существуют во многих других культурах (например, они видят такие жесты в иностранных фильмах или телепередачах), но сами они такими жестами почти не пользуются, и, что важно, эти жесты воспринимаются именно как чужие. Как указано в этой статье [15, с. 100], только

в одном языке тела изученных на сегодняшний день стран, а именно в языке тела уругвайцев, есть мануальный жест со значением ‘лесбиянка’ – при том, что, как хорошо известно, во многих невербальных культурах есть жесты, выражающие идею мужского гомосексуализма.

Разумеется, жесты, не относящиеся к обценным, тоже весьма прихотливо распределены по разным культурам. Так, только в немногих культурах есть жест со значением ‘красивый мужчина’, между тем как невербальная передача идеи женской красоты присуща многим культурам. И лишь в японском языке тела зафиксирован жест со значением ‘потерять работу’, форма которого аналогична форме жеста ‘снять голову’ (см. об этом жесте в [3]).

Среди культурно-специфичных жестов и невербальных моделей поведения, табуированных в большинстве изученных на сегодня культур, следует особо выделить единицы, которые являются носителями **ключевых концептов** данной культуры [16]. Знание таких концептов помогает избегать серьёзных ошибок и в межкультурном невербальном общении.

Многие культуры проводят на ментальном, психологическом и социальном уровнях различия между своим и чужим, между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, старшими и младшими, и обычно у “своего”, у мужчины, у ребёнка и у пожилого человека больше свободы в телесном поведении.

Однако в ряде культур действуют совсем другие правила коммуникативного телесного поведения. Поэтому, например, приехавшему в другую страну мужчине следует быть особенно внимательным, когда он вступает в коммуникацию с местными женщинами, детьми, людьми пожилыми или старыми. Даже в самых известных приветственных жестах имеются культурные расхождения. Например, если вы мужчина, приехавший в мусульманскую страну, то вы не должны первым протягивать руку для приветствия женщине или человеку, который старше вас. И лучше, во избежание конфликта, ни в одной стране не гладить по голове чужого ребёнка или помогать “не своему” человеку поправлять одежду или причёску – вообще, правильно избегать каких-либо телесных контактов с другими людьми. Хотя много жестов можно исполнять с использованием некоего объекта-удлинителя, например, указывать с помощью тонкой палочки на какой-то предмет или место, но зная особое отношение японцев и китайцев к палочкам для еды, лучше, не нарушая культурный запрет, не пользоваться палочкой в жестах указания в актах коммуникации с представителями японского и китайского народов.

Несмотря на существующие в культуре табу, важно всякий раз лексикографически фиксировать те ситуации, в которых допускаются нарушения табу, и те ситуации, в которых нарушение запрета прощается, отмечая, какова возможна компенсация за отказ от строгого следования социальным или культурным нормам. В каждой культуре и каждом социуме имеются, вообще говоря, свои формы снятия табу. Табу обычно снимается при наличии у человека определённых телесных дисфункций; снимать табу может произнесение человеком магических слов-формул или предварительное использование им особых вербальных или невербальных знаков, которые ослабляют или снимают то зло, которое должно было бы принести нарушение запрета. Это также предупреждает речевые или неречевые знаковые сигналы о сознательном нарушении запрета, определённые речевые, неречевые и смешанные тактики коммуникативного поведения, необходимое сценическое или кинематографическое воплощение определённого сюжета, предполагающее нарушение табу, и др.

Подведу итог. Язык жестов не универсальный, а потому было бы правильно включить во все разговорники, пособия для лиц, выезжающих за границу, в лингвистические справочники и учебники иностранных языков описания наиболее употребительных жестов в стране въезда с более или менее подробными указаниями условий их употребления. Важно также отмечать в этих книгах наиболее типичные ошибки в невербальном поведении, в особенности те, которые могут вызвать серьёзные последствия для человека. К сожалению, эти виды текстов сегодня крайне редки даже в разговорниках, а в тех книгах, в которых содержатся мелкие замечания о жестах и невербальных табу, они делаются вскользь, небрежно, без должной рекомендации того, как человеку следует вести себя. Между тем в научной и научно-популярной литературе по невербальной семиотике приводится много примеров крайне неприятных ситуаций, в которые попадали люди разных культур и этносов, нарушивших правила невербального коммуникативного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова Я.В.* Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе. Автореферат кандидатской диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск. 2014.

2. *Крейдлин Г.Е.* Особенности мультимодальной коммуникации между телеутами и русскими в местах их совместного компактного проживания. Москва. 2018 (в печати).
3. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Москва: "Новое литературное обозрение". 2002.
4. *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. Москва: Вена: "Языки русской культуры", Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49. 2001.
5. *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage. 1980.
6. *Hofstede G.* A summary of my ideas about national culture. 2008. <http://feweb.uvt.nl/center/hofstede/page3.htm>
7. *Hofstede G.* Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2(1). 2011. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
8. *Hofstede G., Minkov M.* Long-versus short-term orientation: new perspectives. Asia Pacific Business Review. 16.
9. *Minkov M.* What makes us different and similar: a new interpretation of the World Values Survey and other cross-cultural data. Sofia: "Klassika i Stil". 2007.
10. *Fangyue Dong.* Identifying differences of body language between China and America and preventing misunderstandings. Henan Normal University. 2011.
11. *Kita S., Essegbey J.* Pointing left in Ghana. How a taboo on the use of the left hand influences gestural practice. Gesture, v. 1, №1. 2001.
12. *Ameke F.K., Breedweld A.* Areal cultural scripts for social interaction in West African communities. Intercultural Pragmatics, 1–2. 2004.
13. *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. Москва: "Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле". 2000.
14. *Wierzbicka A.* Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. Language Sciences, № 29. 2007.
15. *Archer D.* Unspoken Diversity: Cultural Differences in Gestures. Qualitative Sociology, vol. 20, № 1. 1997.
16. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. Москва: "Языки славянской культуры". 2005.

REFERENCES

1. Popova, Ya.V. Communicative Processing of Taboo Speech Contexts in Institutional Discourse. Cand. Phil. Sci. Diss. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 2014.

2. Kreydlin, G.Ye. Features of Multimodal Communication Between Teleuts and Russians in Places of Their Joint Compact Inhabitancy. Moscow, 2018 (In Print).
3. Kreydlin, G.Ye. Non-Verbal Semiotics. Moscow, NLO Publ., 2002.
4. Grogoryeva, S.A., Grigoryev, N.V., Kreydlin, G.Ye. Russian Gestures Language Vocabulary. Moscow, Yazyki Russkoy Culture Publ., Wien, Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.
5. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA: Sage. 1980.
6. Hofstede, G. A summary of my ideas about national culture. 2008. <http://feweb.uvt.nl/center/hofstede/page3.htm>
7. Hofstede, G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2(1). 2011. <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
8. Hofstede, G., Minkov, M. Long-versus short-term orientation: new perspectives. Asia Pacific Business Review. 16.
9. M. Minkov. What makes us different and similar: a new interpretation of the World Values Survey and other cross-cultural data. Sofia: "Klassika i Stil". 2007.
10. Fangyue Dong. Identifying differences of body language between China and America and preventing misunderstandings. Henan Normal University. 2011.
11. Kita, S. Essegbey, J. Pointing left in Ghana. How a taboo on the use of the left hand influences gestural practice. Gesture, v. 1, №1. 2001.
12. Ameka, F.K. Breedweld, A. Areal cultural scripts for social interaction in West African communities. Intercultural Pragmatics, 1–2. 2004.
13. Douglas, M. Purity and Danger. Taboo and Desecration Concepts Analysis. Moscow, Canon-Press-Ts, Kuchkovo Pole Publ., 2000.
14. Wierzbicka, A. Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology. Language Sciences, № 29. 2007.
15. Archer, D. Unspoken Diversity: Cultural Differences in Gestures. Qualitative Sociology, vol. 20, № 1. 1997.
16. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B., Shmelev, A.D. Key Concepts of the Russian Language World Picture: Collected Articles. Moscow, Yazyki Russkoy Culture Publ., 2005.